

За пятьдесятъ лѣтъ ¹⁾.

Воспомнанія артистки М. М. Глѣбовой.

Г л а в а 10.

Прошло еще одно мгновение, и калитка отворилась. Къ намъ вышелъ заспанный корридорный. Онъ довольно грубо спросилъ, что намъ нужно.

— Номерокъ барышнѣ,—отвѣтилъ ломовой.

— Коли нуженъ номеръ, шли бы по парадной, — окрысился корридорный, видимо сердившійся за безпокойство его, это во-первыхъ, а во-вторыхъ оттого, что видѣлъ во мнѣ убогую жилицу.

— Нѣтъ ли подешевле, — говорилъ за меня ломовой. — Съ параднаго-то дорого.

— Дешевле, — крикнулъ корридорный. — А вотъ пожалуйста сюда, посмотрите.

Я соскочила съ повозки, и мы съ моимъ благодѣтелемъ-ломовикомъ отправились смотрѣть мое будущее помѣщеніе. Дворъ весь поросъ травой, по двору гуляли гуси, индѣйки и куры. Земля вся была въ какихъ-то выбоинахъ, и я нѣсколько разъ спотыкалась. Подошли мы къ хижинкѣ, въ два маленькихъ окошечка. Вся она была облупившаяся, и виднѣлись глина и щепки. Корридорный отворилъ дверь, и мы всѣ вошли. Свѣцевъ не было, дверь выходила прямо во дворъ. Полъ былъ земляной, въ углу стояла чугунная печь, около нея старая деревянная кровать, — у другой стѣны помѣщался простой маленькій комодикъ, два стула и жестяной умывальникъ довершали убранство. Да, вино-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1916 г.

вата, на стѣнѣ висѣла въ черной рамкѣ дама съ розаномъ въ рукахъ.

— Какъ цѣна?—осмѣлилась я спросить.

— Вамъ посуточно или помѣсячно.

— Помѣсячно.

— Шесть рублей.

Цѣна была подходящая, и я рѣшила остаться. Снесли мои вещи. Я заплатила ломовику, онъ поблагодарилъ и ушелъ. Мнѣ отчего-то стало жаль его, ужъ очень онъ заботился обо мнѣ.

— Деньги впередъ за мѣсяць, —объявилъ корридорный.

Я вынула и отдала деньги. Онъ что-то хотѣлъ спросить, но поклонился и ушелъ, даже не затворивъ дверь. Я пошла сама, чтобы запереть ее, но къ ужасу увидѣла, что никакого запора не было. Что было дѣлать? Я крѣпко захлопнула дверь и начала придвигать къ ней мебель. Сперва я придвинула комодъ, на него поставила стулья, не сообразивъ, что дверь отворяется въ наружу, но главное то, что въ тотъ моментъ я немного успокоилась. Развязавъ сундукъ, я достала бѣлье, постлала постель, положила подъ голову кошелекъ съ деньгами и рядомъ съ нимъ тупой столовый ножъ, для самозащиты. Затѣмъ помолилась Богу, раздѣлась и легла. Я почти всю ночь не спала. Засунувъ руку подъ подушку, я попеременно схватывала то кошелекъ, то рукоять ножа. Временами сонъ овладѣвалъ мной, но не надолго, и я снова тарашила глаза по направленію входной двери. Мнѣ все казалось, что кто-то шевелится около нея и тяжело дышитъ. Мнѣ было очень страшно, такъ страшно, какъ никогда. Я боялась пошевелиться, боялась своего собственнаго дыханія, а тутъ какъ на зло трещала кровать. Но когда ночью забѣгали по полу крысы, я не выдержала и сѣла, поджавъ ноги. Мнѣ представлялось, что вотъ, вотъ и онѣ полѣзутъ ко мнѣ на кровать. Такъ шло время, и наконецъ въ мои два окошечка забрезжилъ свѣтъ. Крысы куда-то пропали, и я вздохнула спокойнѣе. Нырнула подъ одѣяло и заснула, забывъ и о деньгахъ, и объ оружіи.

Солнце ярко свѣтило въ мою комнату, и лучи его ударили мнѣ въ глаза. Я невольно проснулась. Было, вѣроятно, очень поздно, но который былъ часъ, я не знала, ибо не имѣла часовъ. Вставъ, я умылась, одѣлась и начала отодвигать баррикады. Но, Боже, какъ я была удивлена и уничтожена, когда замѣтила, что дверь отворялась наружу

и что я всю ночь спала совершенно незащищенной отъ воровъ и разбойниковъ. Отворивъ дверь, я кого-то толкнула. Это была дворовая собака, и вотъ она-то и дышала и возилась у моей двери. О, какъ я была ей благодарна. Она вѣдь сторожила меня. Я пожелала выпить чаю, но никого не было. Кричать я не рискнула и рѣшила не пить его, а просто съѣсть кусокъ французской булки. Такъ и было. Затѣмъ я надѣла пальтишко, шляпенку, взяла въ руки зонтикъ и рѣшила идти въ театръ къ антрепренеру. Я сильно волновалась. Выйдя на дворъ, я остановилась у двери и не знала, какъ поступить. Хотя деньги были при мнѣ, но все-таки въ номерѣ оставался мой хламъ. Порѣшивъ, что собака побережетъ, я вышла на улицу. Посмотрѣвъ направо и налево и не зная, куда идти, я пошла наугадъ. Такъ вступила я въ самостоятельную жизнь...

Г л а в а 11.

Несмотря на то, что театръ находился очень близко, за угломъ отъ моей квартиры, я сдѣлала порядочный крюкъ. Когда я подходила къ театру, ноги мои подкашивались, и я замедлила шаги, дыханіе прерывалось. Но вотъ, поборовъ робость, я вошла въ театральнй подъѣздъ и очутилась на сценѣ. Репетиція была въ полномъ разгарѣ. Въ моментъ моего вступленія на подмости звалъ помощникъ режиссера кого-то дикимъ голосомъ. Актеръ, къ которому относился зовъ, тѣмъ не менѣе, стоялъ спокойно и разговаривалъ съ актрисой. Послѣ многократныхъ требованій, онъ не торопясь пошелъ репетировать. Успокоившійся помощникъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, что мнѣ нужно. Я объяснила, и онъ указалъ мнѣ контору, въ которой въ данный моментъ находился антрепренеръ. Подойдя къ двери, я робко постучала ручкой зонта въ дверь.

— Войдите,—раздалось за нею.

Я вошла; за старымъ, маленькимъ письменнымъ столомъ сидѣлъ полный человекъ въ очкахъ.

— Вамъ чего? — спросилъ онъ меня, почти не отрывая глазъ отъ кипы афишъ, въ которыхъ онъ рылся.

— Это я, пріѣхала служить,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Вы? А кто вы?

— Дядя мой, устроилъ меня. Это я...

— А? Ну, здравствуйте, садитесь...

Я сѣла на кончикъ стула.

— Спектакли открываются черезъ пять дней. Вы будете танцевать въ дивертиссементѣ, а вотъ вамъ и роль.

Онъ подалъ мнѣ довольно увѣсистую тетрадь.

— Оставьте свой адресъ разсылному. О репетиціи извѣстять.—Онъ протянулъ руку. Аудіенція была окончена.

Когда я проходила, актъ окончился, и вся труппа стояла за кулисами. Всѣ въ упоръ смотрѣли на меня, и эти взгляды прямо-таки жгли меня. У меня раза два отъ волненія подвернулся каблукъ, и я чуть-чуть не клюнулась носомъ. Ко мнѣ подошелъ какой-то человѣкъ и спросилъ:

— Вы у насъ въ услуженіи?

— Да,—отвѣчала я.

— Вашъ адресокъ?

Я сказала, онъ записалъ, и я вышла.

На улицѣ я первымъ долгомъ взглянула на роль; оказывается, мнѣ дали роль городничихи въ комедіи „Ревизоръ“. Прийдя домой и усѣвшись за чтеніе, закусывая таковое хлѣбомъ и колбасой, я увидѣла, что я пожилая женщина и что у меня есть взрослая дочь. Меня это немного смутило, но... разъ дали, значитъ, такъ надо. Я стала зубрить и въ теченіе трехъ—четырехъ часовъ вызубрила отъ начала до конца. Затѣмъ подали самоваръ, я напилась чаю и, раздѣвшись, стала на земляномъ полу босикомъ, танцевать разные танцы, выученные мной раньше. Въ самый разгаръ моего балета раздался стукъ въ дверь, я наскоро накинула юбку, платокъ и сказала „войдите“. Появился театральнѣйшій разсылный.

— Приказали спросить, что плясать будете? На афишу надо ставить.

Я сказала: „Чардашъ“.

— Какъ?—переспросилъ меня разсылный.

Я повторила.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше запишите, а то забуду.

Онъ далъ мнѣ карандашъ, и я записала въ его книгѣ названіе танца. Настало время сна. Въ эту ночь я была догадливѣе, рассмотрѣвъ гвоздь вбитый въ стѣну, я его вытащила и вбила въ дверь. Затѣмъ задѣла веревку за ручку и замотала ее за гвоздь, и затворъ былъ устроенъ. Когда я уже совершенно улеглась, мнѣ захотѣлось еще разъ прочесть роль. Зажегши свѣчу, я стала перечитывать и заснула. Свѣча горѣла до утра. Ночью я уже не слышала ни крысъ, ни вздоховъ, ни возни за дверью. Подъ

подушкой, кромѣ кошелька и ножа, лежала еще роль. Я положила ее, чтобы лучше запомнить. Хотя, и повторяю, знала уже ее такъ, какъ знать лучше нельзя.

На другой день утромъ я получила извѣщеніе, что вечеромъ въ 7 час. репетиція, сперва Чардашу, а потомъ Ревизору, въ которомъ я должна играть классическую роль городничихи...

Г л а в а 12.

Когда я явилась на репетицію, мнѣ объявили, что Ревизоръ пойдетъ послѣ, а что на открытіе идетъ другая пьеса, какая,—я уже забыла. Въ ней мнѣ дали роль въ три четыре слова. Мнѣ это очень улыбалось. Я могла нѣсколько разъ появиться на сценѣ, могла попривыкнуть, освоиться съ подмостками. Очень быстро пришлось перезнакомиться съ труппой. Любезность ихъ была параллельна съ положеніемъ; чѣмъ актриса и актеръ были выше по занимаемому амплуа, тѣмъ они были важнѣе и картиннѣе. Примадонна окинула меня критическимъ взглядомъ, наградила кивкомъ головы, но руку не подала. Герой любовникъ, въ широкомъ въ родѣ пейзажнаго воротникъ и съ чудовишно большимъ галстухомъ бантомъ, снисходительно потрясъ мнѣ руку, какъ трясуть маленькимъ дѣтямъ. Примадонна его окликнула, и онъ мгновенно былъ около нея. Началась репетиція. Я не знала, куда стать, какъ повернуться. Мнѣ указывали, и я очень быстро понимала свое положеніе. Товарищи смотрѣли на меня, какъ на новичка, товарки немного ухмылялись. Репетиція мелодрамы окончилась, и настало время Чардаша. Старикъ-скрипачъ сѣлъ у лампы, горѣвшей на суфлерскомъ столѣ, положилъ ноты и ждалъ. Вся труппа цѣликомъ направилась въ зрительный залъ. Я сильно волновалась, но присутствіе коллегъ меня мало стѣсняло. Я горѣла желаніемъ не ударить въ грязь лицомъ. Въ первомъ ряду рядомъ съ примадонной и героемъ сѣлъ антрепренеръ, надѣлъ очки, сложилъ руки на животъ, поднялъ голову, вытянулъ голову и ждалъ. Я отошла въ глубину сцены и стала въ ногу. Раздался ригурнель, а вотъ и мое выступленіе. Танецъ начался. Я уже никого не видѣла и отдалась вся своему дѣлу; когда я кончила, раздались аплодисменты, и я замѣтила уже тогда, что всѣ присутствующіе продвинулись изъ заднихъ рядовъ и

сидѣли въ двухъ первыхъ. Антрепренеръ сталъ любезный, примадонна еще сдержаннѣй. Словомъ, впечатлѣніе было вполне благопріятно. Довольная я пошла домой и сѣла писать впечатлѣнія мамѣ, да и о дочери соскучилась. Прошло нѣсколько дней, насталъ мой дебютъ. Я одѣвалась въ общей уборной. Роль исполнила толково, сказала все во-время, повернулась и ушла какъ надо. Но вотъ насталъ моментъ дивертиссемента. Мой номеръ былъ послѣднимъ. До меня читалъ герой, что-то длинное и очень драматическое. Онъ сильно ерошилъ волосы и лихо вскидывалъ головой, очень часто и ненужно. Затѣмъ примадонна, лѣтъ пятидесяти, одѣтая въ платье ба-ба и съ куклой въ рукахъ, читала наивное стихотвореніе, старалась щебетать, опускала глазки, ходила маленькими нечеловѣческими шажками и безалаберно смѣялась давно надтреснувшимъ голосомъ. Затѣмъ появился клоунъ. Онъ былъ круглъ, малъ и имѣлъ очень симпатичное, хотя и алкогольное лицо. Пѣлись куплеты и пѣлись, сколько я могла судить, очень хорошо. Онъ биссировалъ много разъ. Выходилъ онъ просто и кланялся тоже очень просто. Настало мое время. Я была одѣта въ венгерскій, довольно поношенный костюмъ, меня загримировали, и видъ у меня былъ ничего-себѣ. Затѣмъ звуки ритурнеля, и я, заложа руки за голову, перегнувшись назадъ и плавно вытягивая попеременно то одну ногу, то другую, появилась впервые передъ публикой, настоящей театральной публикой. Театръ мнѣ казался бездонной пропастью, керосиновое освѣщеніе яркимъ и блестящимъ, при появленіи раздались и хлопки. Я, было, подумала, не рано ли я выскочила, и нѣтъ ли за мной кого-другого, но нѣтъ, — зааплодировали мнѣ. Успѣхъ былъ хорошій, я биссировала три раза и упоенная, счастливая успѣхомъ раздѣвалась въ уборной одна одинешенька при одной лампѣ съ очень закоптѣлымъ стекломъ. Дамы уже ушли и только балетъ въ моемъ представительствѣ былъ налицо. Я услышала громкій разговоръ примадонны, вѣроятно она обращалась къ антрепренеру.

Суть разговора была такая, что неумѣстно выпускать танцорокъ на-ряду съ серьезнымъ искусствомъ. Это подѣйствовало на меня нѣсколько удручающе, но восторгъ успѣха побѣдилъ, и я не очень сокрушалась. Я тщательно старалась смыть водой гриммъ, но не могла; о томъ, что нужно сначала стереть чѣмъ-либо жирнымъ, я не знала, и уже думала, что бѣлила и румяна неразстающаяся съ арти-

сткой приправа. Постучался парикмахеръ, взять локоны, и вотъ тутъ только я узнала процедуру снимать театральныя краски. Придя домой, я опять стала писать матери, и письмо было очень длинное. Я подробно описывала все и знала, что это ей будетъ очень пріятно. Послать простымъ свое посланіе я побоялась и отправила заказнымъ. Вѣрнѣе! Съ большимъ нетерпѣніемъ я ждала отвѣта, ждала вѣстей. Какъ разъ наканунѣ постановки Ревизора отвѣтъ былъ полученъ. Дома все было благополучно. Дочь была здорова, мой вотчимъ тоже.

Сообщилъ П. Скуратовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

